

OCA

Глава первая

Он молча проскользнул в комнату и сел в предложенное кресло, озадаченно хмурия лоб, — вся эта таинственность уже стояла поперек горла.

Громила, который сопровождал его с самой Аляски, вышел и тихо закрыл за собой дверь, оставив наедине с хозяином кабинета. Судя по табличке, того звали Уильям Вулф. Хотя какой из него волк — за столом сидел здоровенный лосяра...

— Мистер Моури, скоро вам все объяснят, — спокойно произнес Вулф. После паузы добавил: — Потерпите еще немного.

И, не мигая, уставился на собеседника.

Тот вытерпел долгий пристальный взгляд и наконец поинтересовался:

— Сколько еще терпеть?

— Совсем чуть-чуть.

Вулф по-прежнему изучал собеседника, словно забираясь в самую душу. Лицо его при этом оставалось бесстрастным, холоднее камня.

— Встаньте, пожалуйста.

Моури подчинился.

— Повернитесь.

Нехотя крутанулся на месте.

— Пройдите в тот угол и обратно.

Моури послушно зашагал.

— Хм, — сказал Вулф, выражая не то довольство, не то досаду. — А теперь — только не удивляйтесь, я серьезно, — пройдитесь враскорячку.

Моури широко расставил колени и заковылял по комнате, будто гарцуя на невидимой лошади. Потом вернулся в кресло и ядовито заметил:

— Надеюсь, вы, ребята, щедро заплатите за это унижение. Я проехал три тысячи километров не затем, чтобы строить из себя клоуна.

— Вы не получите ни цента, — огорошил Вулф. — Хотя, если повезет, останетесь в живых.

— А если *не* повезет?

— Умрете.

— Вы чертовски откровенны, — пробормотал Моури.

— Такая работа. — Вулф опять смерил его долгим пристальным взглядом. — Вы справитесь. Да, наверняка справитесь.

— С чем справлюсь-то?

— Сейчас все объясню. — Он достал из ящика стола несколько листов. — Вот, прочитайте. Эти документы помогут вам лучше понять ситуацию.

В руках Моури оказались копии газетных статей.

В первой заметке шла речь о беспорядках в Румынии. Какой-то тип вдруг встал посреди проезжей части, уставился в небо и начал ораторствовать: «Глядите! Глядите! Синие огни!» Вокруг тут же собрались зеваки. Толпа росла на глазах, заполняя не только автомагистраль, но и ближайšie улицы. Полиция решила разогнать людей. Началась паника. Какие-то психи из толпы тоже стали кричать, что видят в облаках всякую чертовщину. Подросли и репортеры с камерами. Слухи понеслись валом.

Чтобы успокоить людей, властям пришлось выслать на разведку военные истребители. Беспорядки захлестнули чуть ли не весь город — целых двести квадратных километров. Виновник паники тем временем затерялся в толпе.

— Занятная история, — хмыкнул Моури.

— Читайте дальше.

Во второй статье шла речь о двух беглецах из тюрьмы. Они угнали машину и успели проехать девятьсот километров, пока их не схватили. На свободе бедолаги пробыли каких-то четырнадцать часов.

В третьей — об автомобильной аварии. Водитель и двое пассажиров погибли на месте, четвертый пострадавший несколько часов спустя умер в больнице. Машина превратилась в груду металлолома.

— И к чему все это? — складывая листы, поинтересовался Моури.

— Давайте по порядку, — начал Вулф. — Вы, наверное, мало что поняли из текста, но эти статьи доказывают нашу теорию. Возьмем самую первую. Некий гражданин не делал ничего особенного, просто тыкал пальцем в небо и орал всякую чушь. Однако из-за одного умалишенного властям пришлось чуть ли не ввести в городе военное положение. Выходит, даже самые незначительные действия могут повлечь за собой весьма радикальные последствия.

— Допустим, — признал Моури.

— Теперь беглые заключенные. Они никого не ограбили, не убили... Подумаешь, перелезли через стену, угнали машину и чесали во всю мочь, пока не кончился бензин. Однако... — Вулф перегнулся через стол и многозначительно понизил голос: — За эти четырнадцать часов в их поимке участвовали шесть самолетов, десять вертолетов, сто двадцать патрульных машин, задействовали восемнадцать телефонных станций и бог знает сколько каналов радиосвязи... Не считая полиции, добровольческих дружин, профессиональных охотников, следопытов и национальной гвардии. В общей сложности на ноги подняли двадцать семь тысяч человек на территории трех штатов.

— Ого! — поразился Моури.

— И наконец, авария. Причину выяснили: пассажир перед смертью рассказал, что в машину залетела оса. Водитель отмахнулся от нее и потерял управление.

— А, знаю, со мной тоже такое бывало...

Пропустив последнее замечание мимо ушей, Вулф продолжил:

— Оса весит несколько граммов. По сравнению с человеком она ничтожно мала. Единственное ее оружие — крошечное жало с каплей муравьиной кислоты. Причем в этот раз она

его даже не использовала. И все же оса умудрилась убить четырех взрослых мужчин и смять мощный автомобиль, как консервную банку.

— Это все понятно, — согласился Моури. — Но при чем здесь я?

— Мы хотим, чтобы вы стали осой, — ответил Вулф.

Откинувшись на спинку кресла, Моури смерил собеседника ехидным взглядом.

— Тот тип, который меня сюда доставил, сказал, что он агент секретной службы, даже удостоверение показал. Он работает на правительство, и вы, судя по всему, тоже. Однако почему-то мне кажется, что у вас нелады с головой.

— Возможно, — невозмутимо согласился Вулф. — Однако я говорю серьезно.

— Итак, вы хотите, чтобы я выполнил для вас какую-то работу?

— Да.

— Что-то особенное?

— Да.

— С риском для жизни?

— Увы.

— И без оплаты?

— Все верно.

Моури встал и нахлобучил шляпу.

— Простите, я, в отличие от вас, еще в своем уме.

— Уверены? — тем же бесцветным голосом уточнил Вулф. — Хотите сдать сирианцам без борьбы? Как по мне, это полное безумие.

Моури снял шляпу и снова сел в кресло.

— Вы о чем вообще?

— Идет война.

— А то я не знаю. — Он пренебрежительно взмахнул рукой. — Уже десять месяцев мы сражаемся с Сирианской империей. Так пишут в газетах. Говорят по радио. Показывают по телевизору. Официально заявляют президенты и министры... Да, я склонен поверить слухам.

— Возможно, в таком случае вы готовы поверить в кое-что еще? — вкрадчиво предложил Вулф.

— Например?

— Земное население мало интересуется войной, потому что она идет на чужой территории. Все знают, что противник дважды пытался прорваться в Солнечную систему, и оба раза мы разбили вражеский флот. Люди считают, мы в полной безопасности. И это, в общем-то, верно: сирианцы нам не угроза.

— В чем же проблема?

— Войну надо или выиграть, или проиграть, третьего не дано. Но одной лишь обороной победы не добиться. Нельзя просто сидеть и ждать! — Вулф вдруг грохнул кулаком по столу, отчего ручка подпрыгнула на добрых полметра. — Мы должны что-то делать! Перехватить инициативу. Уложить противника на лопатки и выбить из него всю дурь!

— Ну, рано или поздно мы победим...

— Может, да. А может, и нет. Это от многого зависит.

— От чего, например?

— Например, от того, сумеем ли мы правильно использовать доступные ресурсы. В частности, таких людей, как вы.

— А поконкретнее нельзя? — попросил Моури.

— Смотрите, в техническом отношении мы значительно превосходим Сирианскую империю. Наше вооружение лучше и эффективнее. Однако у сирианцев есть свое преимущество: они превосходят нас численностью. На одного землянина приходится двадцать сирианцев, а значит, и оружия в количественном соотношении у них больше.

— Точно?

— Увы, да. Хотя в газетах об этом, конечно же, не пишут. Итак, у нас выше военный потенциал, у сирийцев — больше солдат. И поскольку мы не можем оттягивать время и спешно размножаться как клопы, надо противопоставить им что-то другое.

— Понятно.

Моури задумчиво прикусил нижнюю губу.

— Однако, — продолжил Вулф, — задача решается гораздо проще, если принять во внимание тот факт, что один человек способен посеять панику в толпе, двое могут парализовать на время целую армию (двадцать семь тысяч!), а крохотная оса —

уничтожить четырех великанов и их огромный механизм. — Он выдержал паузу, следя за реакцией Моури, после продолжил: — Возможно, человек сумеет остановить дивизию, если в нужном месте и в нужное время напишет мелком пару слов.

— Хм, весьма нетрадиционный способ ведения войны!..

— Поэтому-то он и принесет результат.

— Мне нравится. Всегда любил такие фокусы.

— Мы в курсе. — Вулф открыл лежащую на столе папку. — В день четырнадцатилетия вас оштрафовали на сто сирианских гульдеров за оскорбление должностного лица путем нанесения на стену писем высотой в двадцать дюймов. Отец принес официальные извинения от вашего имени, сославшись на подростковое легкомыслие. Сирианцы, конечно, были в бешенстве, но дело все-таки замяли.

— Я по-прежнему считаю, что Разадут — жирная продажная свинья... У вас там что — досье на меня? — Моури жадно уставился на папку в руках Вулфа.

— Да.

— Вам не кажется, что это уже слишком?

— А как иначе? Такова плата за защиту от сирианского вторжения. — Отложив папку в сторону, Вулф невозмутимо сообщил: — У нас есть досье на каждого землянина. Если надо, мы можем в мгновение ока найти всех, кто носит зубные протезы, одиннадцатый размер обуви, родился от рыжей матери... или хочет увильнуть от призыва. Так что нам не трудно выбрать из стада нужную овцу.

— То есть я для вас — овца?!

— В переносном смысле, конечно же. Не обижайтесь. — Плотные поджатые губы дернулись в слабом подобии улыбки. — Сперва мы отобрали шестнадцать тысяч человек, свободно говорящих на сирианских диалектах. Отсеяли женщин и детей. Осталось девять тысяч. Затем, шаг за шагом, исключили пожилых, слабых, больных, неблагонадежных, чересчур низких или высоких, толстых или худых, слишком глупых или безрасудных, трусов и так далее. На роль «осы» осталось совсем немного кандидатов.

— И что это значит — быть «осой»?

— Что касается внешности — невысокий мужчина с кривыми ногами, плотно прижатыми к черепу ушами и багровым лицом. Иными словами, тот, кто сумеет сыграть роль коренного сирианца и одурачить местных.

— Ни за что! — огрызнулся Моури. — Не дождетесь! У меня розовая кожа, торчащие уши и все зубы мудрости на месте!

— Лишние зубы удалить не проблема. Уши можно подправить с помощью пластической операции. Через две недели все заживет и шрамов не останется. Так сказали врачи, не спорьте! — Очередная едва заметная ухмылка. — Что до фиолетового оттенка кожи, то куда там сирианцам до наших местных алкоголиков? Вас же мы просто покрасим. Гарантия — четыре месяца, и краску дадим с собой, чтобы при необходимости вы могли обновить цвет.

— Но...

— Послушайте. Ваш отец занимался торговлей, поэтому вы родились на Диракте, родной планете сирианцев, причем в самой столице — Машаме. Вы прожили на Диракте до семнадцати лет, потом с родителями вернулись на Землю. Сейчас вам двадцать шесть. Ростом и телосложением вы мало отличаетесь от коренных жителей. Кроме того, прекрасно изъясняетесь на сирианском, причем с машамским акцентом. От этого ваша легенда будет выглядеть еще правдоподобнее: пятьдесят миллионов сирианцев говорят точно так же. Вы подходите идеально.

— А если я пошлю вас к чертям? — полюбопытствовал Моури.

— Это было бы весьма печально, — холодно ответил Вулф. — Есть одна старая добрая поговорка: «Не умеешь — научим, не хочешь — заставим»...

— То есть меня все равно загребут? — Моури раздраженно всплеснул руками. — Черт! Лучше уж я сам... терпеть не могу, когда меня заставляют.

— Да, об этом мы тоже знаем. — Вулф указал на папку с досье. — Джеймс Моури, двадцать шесть лет. Характер упрямый и беспокойный. Однако человек надежный, если не оставить ему выбора.

— Отец всегда так говорил... Он меня, что ли, сдал?

— Мы не раскрываем свои источники информации.

— Ну-ну... — Моури ненадолго задумался. — Допустим, я соглашусь. Что тогда?

— Сперва отправитесь в школу разведчиков. За шесть, максимум восемь недель пройдете интенсивный курс. Получите все необходимые навыки: умение обращаться с оружием, взрывчаткой, организовывать саботаж, вести психологическую войну... Научитесь читать карты, ориентироваться по компасу, обращаться с радиотехникой. И еще много чему. В конце концов, из вас сделают настоящего диверсанта, который сумеет попортить кровь противнику.

— А потом?

— Вас тайно забросят в колонию сирийцев, и вы приступите к делу.

Повисла долгая пауза. Наконец Моури нехотя выдавил:

— Мой отец как-то был не в духе и заявил: «Ты, сынок, родился дураком — дураком и помрешь». — Он глубоко вздохнул. — Прав был старик. Я согласен.

— Мы так и предполагали, — невозмутимо ответил Вулф.

В следующий раз они встретились уже после обучения. Экзамены Моури сдал с неплохими результатами. Два дня спустя в школу заявился Вулф.

— Ну, как дела?

— Ваши учителя — те еще садисты, — скривился Моури. — Вдоволь поиздевались и над телом, и над мозгами. Чувствую себя калеккой и тупым овощем.

— Вам хватит времени отдохнуть. Полет продлится довольно долго. Отправляйтесь в четверг.

— Куда именно?

— Простите, не могу сказать. Капитану корабля дадут заклеенный конверт с координатами, его можно будет распечатать лишь на последнем перегоне. В случае аварии или захвата судна документы придется уничтожить.

— Что, нас могут перехватить в дороге?

— Вряд ли. Наш корабль гораздо быстрее судов противника. Однако от несчастных случаев никто не застрахован. Вы

наверняка знаете, что Кайтемпи, сирианская служба безопасности, разговорит даже немного. Если вас отловят на полпути и узнают место назначения, то сумеют заманить вашего преемника в ловушку.

— Кстати, о преемниках! Как удачно вы подняли эту тему, а то здешние не признаются...

— В чем не признаются?

— Буду ли я у сирианцев один, сам по себе, или там есть и другие земляне? И как с ними тогда связаться?

— Считайте, что вы единственный землянин на миллиарды километров вокруг, — посоветовал Вулф. — Тогда в случае провала вам некого будет сдавать Кайтемпи. Разве что наврете им с три короба, чтобы вас перестали мучить.

— Вот спасибо за доброе напутствие! — поморщился Моури. — Мне было бы спокойнее, если бы я знал, что среди сирийцев орудуют и другие «осы».

— Остальных курсантов сюда прислали не затем, чтобы составить вам компанию... Что ж, удачной охоты. — Вулф протянул ему руку. — Сделайте свое дело — и возвращайтесь живым.

— Вернусь, — обещал Моури. — Как бы ни был долг мой путь.

Он не очень-то верил в успех затеи. Оказаться одному на враждебной планете... Рано или поздно он себя выдаст. Да и Вулф неспроста упомянул преемника — должно быть, тоже готовился к провалу.

Только сейчас Моури подумал, что и сам может лететь кому-то на смену. Вдруг в том мире, куда он скоро отправится, какого-то неудачника сейчас режут на кусочки? А значит, Кайтемпи уже поджидают нового диверсанта. Глядят в небо и предвкушают появление очередной жертвы по имени Джеймс Моури, двадцати шести лет от роду, упрямого и беспокойного...

Впрочем, обратной дороги нет. Придется побыть героем, раз уж не хватило мужества стать трусом...

Так Моури философствовал еще несколько недель, пока капитан корвета вдруг не пригласил его на мостик.

— Хорошо выпались?